

Анна Веммер

Не прикасайся!

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В28

Иллюстрации на переплете *Катерины Косьяновой*

Дизайн обложки *Дарьи Васильченко*

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Веммер, Анна.

В28 Не прикасайся! / Анна Веммер. – Москва :
Эксмо, 2024. – 352 с.

ISBN 978-5-04-176696-2

Пять лет назад у Анастасии Никольской было все: большие перспективы в фигурном катании, призовые места и лучший тренер. Всего одно несправедливое тренерское решение и последовавший за ним несчастный случай лишили Настасью не только медалей, но и зрения. От прежней жизни остались лишь цветные сны, в которых она танцует на льду, и детская влюбленность в бывшего тренера – Александра Крестовского. Сам Алекс свою ученицу-неудачницу совсем забыл, тем большим потрясением для него становится чувство, возникающее при встрече со слепой Никольской. Им обоим хочется думать, что это просто вожделение, но обманывать себя получается недолго...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-176696-2

© Веммер А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Предисловие

Однажды мне захотелось написать книгу о фигурном катании. Что-нибудь романтическое, наполненное атмосферой льда и соперничества, драматичное — в спорте иначе не бывает. Одна беда: я слишком мало знала об этом спорте, чтобы писать о профессионалах.

Тогда я вооружилась гуглом, нашла клуб фигурного катания для взрослых и пришла на каток. Я собиралась взять пару уроков, расспросить тренера о буднях фигуристов и написать небольшую повесть о любви на льду.

Любовь на льду действительно случилась, только не в книге, а в реальности, и любовь возникла к спорту. Ограничиться парой занятий не получилось. Книгу я отложила, а тренировки продолжились. Сейчас, спустя пять лет, я все еще на коньках. Вряд ли мои занятия можно назвать фигурным катанием в полной мере (все же инстинкт самосохранения после двадцати только растет), но никогда в жизни я не подумала бы, что буду покупать профессиональные коньки, изучать прыжки и тренировать скольжение. Теперь фигурное катание — хобби и отдушина, значимая часть жизни.

Главное из того, что я узнала о фигурном катании: я ничего не знаю о фигурном катании. Между

любительским спортом и спортом высоких достижений пропасть, и неизбежно любая романтическая история перерастает в драматическую — о том, как ради спорта ломаются судьбы, закаляются характеры, сбываются и рушатся мечты.

Рушить мечты героев не хотелось.

Поэтому все события в «Не прикасайся!» вымышлены, а реалии нарочно искажены. В первую очередь это книга не о спорте, а о любви. О том, как выбраться из тьмы, найти в себе силы простить и полюбить, научиться нести ответственность за слова и поступки. Им обоим, Настасье и Алексу, необходимо этому учиться.

В романе много допущений, которые знакомые с миром фигурного катания читатели назовут невозможными. Тот, кто занимался хоккеем, не может стать тренером фигуристов. Та, что провела годы без зрения, не может восстановить физическую форму и прыгнуть тройной аксель. А зрение, потерянное так давно, невозможно вернуть.

Вероятно, в этом есть разумное зерно, однако эта история в первую очередь сказка. Она о том, как избалованный мальчик-мажор, представший однозначным отрицательным героем в книге «#Золушка в постель» превратился в целеустремленного и жесткого бизнесмена. Она о том, как талантливая, но глупая спортсменка повзрослела и преодолела себя.

Поэтому я разрешила себе немного допущений. Чтобы сказка была волшебнее. Чтобы нечеловеческие усилия героев вознаграждались чудесами.

Я надеюсь, за фасадом истории «18+» читатели увидят не только горячие и острые сцены, но и пресловутое «что хотел сказать автор». Здесь нет

идеальных героев, которые точно знают «как надо» и что такое здоровые отношения — то, о чем сейчас кричат из всех углов. Порой люди причиняют друг другу боль, ранят равнодушием и обижают резкостью. У Алекса и Настасьи просто не было примеров настоящей семьи. Но главное в их истории то, станут ли они таким примером для других.

А я благодарна этой книге за то, что однажды мироздание нашептало ее сюжет и познакомило меня с прекрасным спортом, который, я надеюсь, останется частью моей жизни еще очень долго. И кто знает, может, хрупкая, но талантливая девочка Настя вдохновит встать на коньки кого-то из вас?..

*С любовью к своим
читателям, тренерам и команде,
благодаря которой «Не прикасайся!»
ворвется в ваши сердца.*

Пролог

— **П**опалась!
Шум машин, гул ночного города, музыка из баров и ресторанов — все смешивается в единую какофонию звуков, от которой раскалывается голова. Я не могу дышать, но не потому, что мужские руки сдавливают грудь, а потому, что снова слышу его голос. Он очень близко, дыхание обжигает кожу. Мне кажется, я слышу, как бьется сердце мужчины, но на самом деле это лишь иллюзия перепуганного мозга.

— Пусти! — рвусь на свободу, но не так-то просто сдвинуть его руки хотя бы на миллиметр.

— Думаешь, можно разрушить мою репутацию и просто сбежать? Нет уж, крошка, так не пойдет. Хотела войны? Сейчас получишь.

— Пусти! Я буду кричать!

— Кричи сколько угодно, ориентировки на тебя передали ментам с пометкой, что ты буйная и неадекватная.

— Я не буйная! — задыхаюсь от возмущения.

— Я вижу.

— Отпусти немедленно!

К моему удивлению, он вдруг слушается. Я не чувствую опоры и отшатываюсь, но, к счастью, успеваю опереться на стену и не падаю.

— Отпустил. Куда побежишь? Я ведь все равно догоню. Зачем ты хочешь сделать себе больно, Настасья?

— Не стыдно издеваться над слепой девушкой?

— Не стыдно втыкать мне нож в спину после всего, что я для тебя делал?

— Ты разрушил мою жизнь!

— И ты решила разрушить мою в ответ? Давай посмотрим, что у тебя выйдет. И до чего ты доиграешься...

Я оказываюсь зажата между стеной и его телом, хотя разницы никакой: стальные мышцы под моими ладонями внушают иррациональный страх. Да он же одним движением способен стереть меня в порошок! И о чем я только думала?

Но я знаю о чем. Мне было обидно. Так обидно, что разум отключился, уступил власть эмоциям. Я перешла дорогу Алексу Крестовскому, и теперь он это так не оставит, его, в отличие от большинства, не трогает вид хрупкой девочки в черных очках. Ему плевать на меня, для него существует только его репутация, его жизнь, его успех, ради которого он шагает по головам и судьбам.

Чувствую, как губ касаются холодные пальцы, отворачиваюсь в последнем, несбыточном желании оказаться где-нибудь далеко-далеко...

— Не трогай меня! Не смей... не прикасайся!

Глава 1

Настасья

Я сижу в холле и слушаю интервью. В голове четкая картинка: широкоплечий спортивный мужчина с короткими светлыми волосами сидит на стуле в студии и улыбается так, как умеет только он. С прищуром, с искорками во взгляде, самоуверенно и небрежно.

— Вы — интересная личность в мире фигурного катания. Насколько я понимаю, у вас нет опыта выступлений в этом виде спорта.

— Верно. Я занимался хоккеем.

— И как же так вышло, что сейчас сразу две ваши ученицы претендуют на место в сборной?

— Наверное, я хороший организатор. Надо понимать, что, когда мы говорим о тренерском штабе Александра Крестовского, мы имеем в виду не только меня, но и мою команду. Это Алевтина Сергеева, тренер, занимающийся скольжением. Георгий Демченко, он ставит прыжки. Хореографы Елизавета и Макар Рябцевы. Директор «Эдеа-элит» Сергей Крестовский. Это лишь основной состав штаба, в нем есть известные фигуристы, олимпийский вице-чемпион.

— Но все же медийное лицо группы — именно вы.

— Я начинал с подкаток хоккеистов. В основном это были дети, которые едва стояли на коньках. Од-

нажды мне предложили взяться за подкатки фигуристки, совсем крошечной девочки, она позже завершила карьеру и решила развиваться в сторону образования. Тогда я понял, что мне интереснее работать с фигуристами. Я действительно хороший организатор. Это не значит, что я ничего не понимаю в том виде спорта, в котором работаю. Скорее наоборот: я понимаю в нем все и этим избавляю свою команду от проблем.

— Вы имеете в виду влияние в федерации?

— Не только это... точнее, не столько это. — Я слышу, как он усмехается. — Я технарь до мозга костей. Я вижу спортсмена и могу просчитать его максимум, я знаю правила, все до мельчайшей надбавки за поднятую при прыжке руку или дотянутую при вращении ногу. Это то, что не могут делать многие великие тренеры: отбрасывать личное и смотреть на спортсмена как на куклу с заданным количеством степеней свободы.

— Трудно работать с девушками?

— Трудно работать с ленивыми. А какого они пола — неважно.

— Кого из одиночниц назовете прямой группы?

— Кого бы я ни назвал, лед скользкий. Посмотрим, что будет на стартах.

— Не могу не спросить об Анастасии Никольской.

Я резко выпрямляюсь в кресле и хватаю со столика журнал, чтобы закрыть лицо. Зачем отец привел меня сюда?! А если кто-нибудь меня узнает?

— Подающая надежды фигуристка вдруг перестала выступать. Что случилось? Пресса винила во всем конкуренцию, мол, не выдержала, испугалась.

— Об этом вам лучше спросить ее родителей.

— Они, насколько мне известно, не публичные люди.

— Тогда мне остается только посочувствовать. Думаю, Анастасия выиграла достаточно, чтобы не жалеть о последствиях своего выбора.

Когда я слышу эти слова, меня накрывает яростью. Как он смеет вообще произносить мое имя! Говорить о выборе! Черт, я совершенно явственно слышу в его словах и намек, и усмешку. В интервью федеральному каналу нельзя говорить «она сама виновата в том, что потеряла зрение и не смогла вернуться в спорт, пусть скажет мне спасибо, что взяла хоть парочку медалей!».

Но я не хочу говорить спасибо, я хочу, чтобы Алекс Крестовский исчез с лица Земли, только вряд ли мироздание услышит мои желания. Пока что ни одно из них не сбылось.

— Но все же конкуренция между Никольской и Гавриловой имела место быть?

— Разумеется, без конкуренции развитие становится невозможным.

— Вы, как тренер, можете дать оценку: кто тогда все же был сильнее?

— Мне кажется, жизнь все расставила по местам. Гаврилова — чемпионка мира. Никольская завершила карьеру. Вы всерьез спрашиваете, кто из них был сильнее?

Я не могу больше это слушать. Каждое слово — лезвие, втыкающееся в сердце. Да, это Александр Крестовский. Тренер, о котором говорит весь мир, чье фото украшает обложки журналов. Он не берет детей из обычных семей и не делает чемпионов из работающих девочек. Каждая его спортсменка — пиар-проект, он получает сумасшедшие деньги

от родителей не только за то, что дети привозят грамоты и медалки. Крестовский — мост к головокружительной карьере даже вне спорта. Это связи, контракты, реклама.

Это мой кошмар и мое проклятие.

Беру трость и поднимаюсь. В коридоре никого, сейчас как раз идут тренировки, так что можно спокойно пройти, не боясь столкнуться с кем-нибудь и услышать: «Ты че, слепая?!»

Свободной рукой я веду по стене, отсчитывая двери. Одна... вторая... третья. Я знаю этот коридор как свои пять пальцев, я столько лет ходила по нему. И эту дверь знаю, и даже могу вызвать в памяти табличку «Крестовский Сергей Олегович, директор». Брат Алекса, директор спортивного клуба. Раньше я могла запросто напроситься к нему на беседу, обсудить соревнования или тренировочный процесс. Мне нравилось у него бывать.

Сейчас тошно, потому что хоть я и не вижу, все равно чувствую жалость. Каждый, кто четыре года назад смотрел на меня и восхищался, сейчас сокрушается и стенает. «Настенька, как же так... ты ведь была такой спортсменкой!» Как будто я не ослепла, а сдохла.

Останавливаюсь у двери и прислушиваюсь. За четыре года жизни в темноте я научилась слушать и слышать. Это не тот феноменальный слух, о котором пишут в романах, но все же мозг старается хотя бы частично компенсировать утраченный орган чувств.

Я слышу разговор отца и директора.

— Борис Васильевич, я все понимаю, — терпеливо и явно не в первый раз объясняет Сергей Олегович, — но у меня нет тренеров, работающих с ин-

валидами. Для этого нужно особое образование, лицензия. Что я буду делать, если придет проверка?

— Все вопросы с проверками я возьму на себя, но, Сергей, вы ведь и сами понимаете, что никому не нужно проверять, имеют ли в вашем клубе право заниматься со слепой девушкой. Ну поймите вы меня, ей это нужно.

— Я понимаю. Но это опасно, Борис Васильевич. Даже слабослышащим опасно находиться на льду, а слепой? А если ее собьют? Если она упадет?

— Я готов выкупать арену на тот час, что Настасья будет на льду.

— И что прикажете мне делать с другими спортсменами? У нас нет аренды льда.

— А у меня одна дочь! И она с ума сходит дома, она каталась всю жизнь, ей нужен лед, ей нужны долбаные коньки! Неужели сложно найти кого-нибудь, кто просто покатает ее за ручку по кругу?!

— Хорошо, — вздыхает директор. — Я попробую кого-нибудь найти. Аренда льда стоит тридцать три тысячи. Работа тренера — пять. Это будет вечернее время, после двадцати одного, в рабочие часы я не могу закрывать арену.

— Идет. Три раза в неделю.

— Два.

— Ладно, — ворчит отец. — Пришлите мне счет на месяц, я оплачу.

— А если Анастасия не захочет кататься? Не такто просто встать на лед после того, как выносила всех в одну калитку.

— Если бы вы ее с этапа не сняли, может, и сейчас бы выносила.

Отец поднимается: я слышу скрип ножек стула по паркету и отскакиваю от двери, делая вид, что

просто прогуливаюсь. Открывается дверь, выходят двое.

– Привет, Насть, – говорит Сергей Олегович.

– Здравствуйте.

– Как дела?

Я пожимаю плечами. Неловкая пауза – почти обязательный элемент в программе. Как у меня могут быть дела? Лучше, чем если бы лежала в могиле, но хуже, чем если бы вообще не садилась в ту машину.

– Идем, – бросает отец.

Берет меня под руку и ведет к лифту.

– Будешь ходить и кататься с тренером два раза в неделю, по вечерам.

– А если я не хочу?

– Это рекомендация врача, а не моя прихоть, Анастасия. Ты обещала делать то, что он скажет. Это важно для твоего здоровья.

– Да ему плевать, – бурчу я, – на меня и мое здоровье. Он отработывает деньги и методичку.

Но с отцом спорить бессмысленно, он все равно привезет меня сюда, со скандалом или без. Спустя четыре года я возвращаюсь на лед, только теперь вместо статуса подающей надежды фигуристки, претендующей на место в сборной, я – в группе здоровья для инвалидов.

Просто прекрасно. Головокружительная карьера.

Алекс

– Алекс, ты можешь не быть таким мудаком?!

– Это риторический вопрос?

– На хер ты Коновалова послал публично? Ты в своем уме?

НЕ ПРИКАСАЙСЯ!

15

